

В.Я. Фукс

Суд и полиция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Я. Фукс**
Суд и полиция / В.Я. Фукс – М.: Книга по Требованию, 2014. – 522 с.

ISBN 978-5-458-09798-7

В двух частях.
В работе В. Фукса освещены вопросы суда и полиции в конце XIX в. Москва.
Университетская типография, 1889.

ISBN 978-5-458-09798-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Постепенное усовершенствованіе суда и полиціи составляетъ нормальную задачу всякаго благоустроеннаго государства.

Но для того, чтобы преобразованія суда и полиціи достигали *практически* своей цѣли, необходимо, чтобы онѣ были выраженіемъ не отвлеченныхъ только доктринъ, и еще менѣе одностороннихъ политическихъ теорій, но соответствовали, съ одной стороны, законамъ историко-органическаго развитія данной страны, а съ другой—современнымъ ея нравственнымъ и экономическимъ условіямъ.

Къ сожалѣнію въ наше, столь повидимому практическое время, идеологія въ реформахъ занимаетъ болѣе широкое мѣсто, нежели когда либо, а политическая тенденціозность даетъ нерѣдко реформамъ, чисто *спеціальнымъ*, совершенно несвойственный имъ характеръ.

Цѣль настоящаго сочиненія—провѣрить критически и безпристрастно всѣ фазисы нашей судебной реформы 1864 г., выяснить отношенія преобразованнаго суда къ полупреобразованной лишь доселѣ полиціи и, наконецъ, намѣтить тѣ практическія мѣры, принятіе которыхъ представлялось бы цѣлесообразнымъ въ видахъ усовершенствованія у насъ какъ суда, такъ и полиціи.

Само собою разумѣется, что судебная часть занимаетъ въ нашемъ изложеніи первенствующее мѣсто, такъ какъ судъ подвергнуть былъ у насъ гораздо болѣе кореннымъ и всеобъемлющимъ преобразованіямъ, нежели полиція.

Исходною точкою всѣхъ, послѣдовавшихъ у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ преобразованій суда и полиціи, послужили замѣчательные труды графа *М. М. Сперанскаго* и графа *Д. Н. Блудова*, памяти которыхъ мы поэтому считаемъ долгомъ воздать здѣсь дань глубочайшаго уваженія. Даже ихъ позднѣйшіе продолжатели не были въ силахъ

вполнѣ потрясти тѣ безусловно вѣрныя начала, которыя были указаны этими замѣчательными государственными дѣятелями и легли въ основу всѣхъ совершившихся у насъ реформъ суда и полиціи.

Но въ настоящее время уже вполнѣ обнаружались, путемъ опыта, нѣкоторые важныя недостатки въ судебной реформѣ 1864 г. и въ правительственныхъ сферахъ поставленъ на очередь вопросъ объ ихъ исправленіи, хотя мнѣнія объ этихъ недостаткахъ, даже между близкими къ дѣлу лицами, не только не установились окончательно, но и отличаются еще крайними противорѣчіями.

Въ виду этихъ обстоятельствъ авторъ убѣжденъ, что именно теперь пересмотръ, и особенно сопоставленіе основныхъ началъ судебной реформы 1864 г. съ ихъ практикой въ теченіе свыше *двадцати* лѣтъ, можетъ быть далеко не безъинтересно, и даже не бесполезно.

Такое же значеніе можетъ имѣть и выясненіе практическихъ потребностей полицейской службы—наканунѣ предстоящаго у насъ преобразованія мѣстнаго управленія.

Съ своей стороны авторъ считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать, что, не имѣя никакихъ личныхъ интересовъ въ отношеніи къ суду и полиціи, не принадлежа ни къ какой партіи и весьма уже давно не связанный никакими служебными отношеніями, онъ старался, по мѣрѣ своихъ силъ, познаній и личныхъ наблюденій у насъ и за границею, остаться вполнѣ объективнымъ въ предлагаемыхъ имъ выводахъ.

Въ какой степени достигъ авторъ своей цѣли судить не ему, но безпристрастнымъ читателямъ. *)

Викторъ Фуксъ.

30 сентября 1888 г.

Москва.

---

*) Предлагаемое сочиненіе было разновременно печатаемо отдѣльными статьями въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ 1884—1887 г. Нынѣ оно является въ свѣтъ въ дополненномъ и законченномъ видѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наканунѣ судебной реформы 1864 года.

Нормальныя условія всякой судебной реформы.—Историко-органическій характеръ нашей прежней судебной системы.—Ея типическія особенности.—Ея коренные недостатки.—Постепенныя мѣры къ устраненію послѣднихъ.—Проекты судебной реформы графа Блудова 1857—1861 годовъ.—Переломъ въ направленіи нашей судебной реформы.—Новыя воззрѣнія на силу доказательствъ.—Новыя воззрѣнія на авторитетъ закона.

I.

Гласность, устность и состязательность судопроизводства, отмѣна системы формальныхъ доказательствъ, ограниченіе процесса двумя инстанціями и установленіе кассационной процедуры, вмѣстѣ съ несмѣняемою магистратурой и выборнымъ мировымъ судомъ, съ адвокатурой и институтомъ присяжныхъ,—всѣ, словомъ, порядки и учрежденія, возникшіе на основаніи Судебныхъ Уставовъ 1864 года, уже вошли въ обиходъ нашей государственной и общественной жизни. Хотя эти порядки и учрежденія доселѣ еще называются новыми, но въ дѣйствительности они болѣе не новы, такъ какъ со времени введенія ихъ въ дѣйствіе прошло уже болѣе двадцати лѣтъ.

Въ жизни государственныхъ учрежденій это періодъ весьма значительный и болѣе чѣмъ пробный. Въ теченіе этого времени не могли не выясниться всѣ главные вопросы и сомнѣнія, возбужденныя Судебными Устами 1864 года. Было бы поэтому весьма непослѣдовательно уклоняться долѣе отъ всесторонняго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ и сомнѣній, практическую важность коихъ нельзя ослаблять. Отъ успокоительныхъ указаній на несомнѣнныя преимущества новыхъ порядковъ въ сравненіи

съ прежними, уже канувшими въ вѣчность формами, отъ огульныхъ и голословныхъ заявленій будто бы новые суды не прошли еще чрезъ горнило достаточнаго опыта, пора уже перейти къ менѣе одностороннимъ и болѣе критическимъ разсужденіямъ о существѣ и практическихъ послѣдствіяхъ самой реформы. И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что изъ всѣхъ нашихъ реформъ лишь судебная, или что судебная реформа только въ Россіи, была задумана и осуществлена вполне безошибочно, что она не вызвала и до сихъ поръ не вызываетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій, вовсе не нуждается въ органическихъ улучшеніяхъ?

Къ сожалѣнію, почти всѣ разномыслия этого рода переходятъ у насъ тотчасъ въ запальчивую брань по поводу отвлеченныхъ принциповъ и до-нельзя усложняются политической тенденціозностью. При такомъ отношеніи къ вопросу, безпристрастное истолкованіе указаній опыта какъ бы улетучивается, а въ общаруженіи и самостоятельномъ обсужденіи ошибочныхъ взглядовъ, неизбежно проявляющихся въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей и присяжныхъ повѣренныхъ, коронныхъ и мировыхъ судей и кассационной инстанціи, усматривается ни болѣе ни менѣе какъ ретроградный заговоръ то противъ права подсудимыхъ на милость суда, то противъ свободы гражданъ, то противъ самостоятельности судебной власти. Въ концѣ же концовъ, Судебнымъ Уставомъ 1864 года, созданнымъ единственно въ интересахъ правосудія, присваивается характеръ непогрѣшимой и навѣки нерушимой конституціонной хартіи, которую дозвоительно только дополнять въ смыслѣ либеральномъ, но преступно измѣнять въ смыслѣ консервативномъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что правильный судъ представляетъ самое существенное обезпеченіе свободы и правъ гражданъ. Въ этомъ смыслѣ усовершенствованіе судебныхъ формъ и органовъ могущественно содѣйствуетъ улучшенію какъ общественнаго, такъ и государственнаго быта. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что усовершенствованный судъ составляетъ принадлежность такъ-называемаго либеральнаго государственнаго строя. Судъ зиждется на законѣ и разумнѣи права, а не на политической, въ конституціонномъ или демократическомъ смыслѣ, свободѣ; онъ не устанавливаетъ политическихъ правъ, но охраняетъ всѣ безъ различія законныя права; сфера его воздѣйствія всего менѣе соприкасается съ областью правъ политическихъ, такъ какъ судъ обращается преимущественно въ области личныхъ и имуществен-

ныхъ столкновеній и общеуголовныхъ закононарушеній. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что величайшіе юристы выпали на долю не столько римской республики, сколько римской имперіи, государственныя формы которой всего менѣе соответствовали интересамъ „политической свободы“, но отнюдь не противодѣйствовали развитію юриспруденціи; вотъ почему и судьи въ Берлинѣ при Фридрихѣ Великомъ были гораздо самостоятельнѣе и безпристрастнѣе чѣмъ въ Парижѣ во время первой республики.

Судъ не долженъ быть ни консервативнымъ, ни либеральнымъ, ни суровымъ, ни милостивымъ. Судъ долженъ быть только судомъ, и судомъ только правомѣрнымъ. Въ этихъ условіяхъ онъ становится орудіемъ политической борьбы, своего рода незаконною диктатурой, не общимъ для всехъ правомъ на справедливость, но привилегіей для однихъ и притѣсненіемъ для другихъ; въ первомъ случаѣ, преступнымъ пособникомъ, а въ послѣднемъ, самозваннымъ мстителемъ. Такимъ образомъ, владея въ политическую тенденціозность, представители судебной власти перестаютъ быть нравственно самостоятельными; они неизбѣжно подчиняются вліянію тѣхъ именно измѣнчивыхъ условій мѣста и времени, которыя всего болѣе колеблютъ, а нерѣдко и вполне искажаютъ нормальный характеръ юридическихъ отношеній гражданъ между собой.

Въ правильномъ государственномъ организмѣ судъ, подобно школѣ и войску, долженъ стоять внѣ столкновенія политическихъ партій. Всякое уклоненіе отъ этого лорядка обозначаетъ ненормальное, скажемъ болѣе, болѣзненное состояніе государственнаго организма. Но тамъ, гдѣ жизнь народовъ развилась не революціонными скачками, а постепеннымъ историко-органическимъ процессомъ, политика въ сферѣ правосудія не имѣетъ мѣста.

До такой однако неутраченности судебнаго дѣла не дошло вдругъ ни одно государство. Если при судебныхъ реформахъ нашей эпохи рѣчь идетъ объ освобожденіи суда отъ административной зависимости, то до вступленія въ этотъ фазисъ своего развитія судъ долженъ былъ пройти черезъ другую, не менѣе важную, но еще болѣе сложную стадію, заключающуюся въ постепенной замѣнѣ первоначальнаго самосуда разныхъ общественныхъ группъ судомъ государственнымъ, общимъ и обязательнымъ для всехъ безъ различія гражданъ. На Западѣ этотъ самосудъ, подъ вліяніемъ феодализма, общинъ и корпорацій, уступилъ мѣсто суду

государственному лишь послѣ долгой и упорной борьбы, вслѣдствіе чего постепенная эманципация суда отъ монополіи общественныхъ группъ обозначала тамъ побѣду верховной власти надъ свѣтскою и духовною аристократіей и городскими общинами, а Habeas Corpus и институтъ присяжныхъ имѣли, наоборотъ, значеніе гарантій, отвоеванныхъ у верховной власти. Но въ окончательномъ своемъ выводѣ, этотъ процессъ развитія судебныхъ учреждений въ Западной Европѣ выразился въ двухъ совершенно противоположныхъ формахъ. Во Франціи полная отмѣна вотчинныхъ и корпоративныхъ судовъ, съ передачей всей юрисдикціи въ руки верховной власти, осуществилась одновременно съ разгромомъ всѣхъ монархическихъ учреждений. Совершившееся при этомъ перенесеніе верховной власти съ короля на державный народъ *) привело французскую судебную реформу къ революціоннымъ трибуналамъ, какъ орудію демократическаго деспотизма, еще болѣе тяжкаго чѣмъ въ крайности цезаризма. Это смѣшеніе суда съ политикой, поддерживаемое и послѣдующими революціями, укоренилось во Франціи глубже чѣмъ гдѣ-либо; оно особенно сильно проникло въ институтъ французскихъ присяжныхъ, столь отличный отъ англійскаго его первообраза, и отразилось, хотя не надолго и менѣе глубоко, на тѣхъ судебныхъ преобразованіяхъ, которыя были произведены по французскому же образцу въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ континентальной Европы. Въ Англіи, наоборотъ, борьба королевской власти съ сословными привилегіями завершилась болѣе практическимъ компромиссомъ и гораздо раньше, вслѣдствіе чего Habeas Corpus и институтъ присяжныхъ успѣли утратить въ этой странѣ свой прежній политическій отбѣнокъ, усвоивъ мало-по-малу значеніе обыкновенныхъ формъ судебного производства, временно даже отмѣняемыхъ по соглашенію правительства съ народнымъ представительствомъ въ случаѣ какихъ-либо чрезвычайныхъ событій, въ родѣ чартистскаго движенія въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, или еще въ недавнее время въ Ирландіи, по поводу аграрныхъ убійствъ. Такое же отсутствіе

---

*) „Le peuple souverain“ по выраженію якобинцевъ и санкюлотовъ первой республики, и радикаловъ второй и третьей. „Vous êtes tous souverains“, сказалъ парижской толпѣ Ламартинъ въ 1848 году съ балкона Городской Ратуши. Такое понятіе о народномъ верховенствѣ не имѣетъ ничего общаго съ конституціоннымъ значеніемъ народа ни въ Швейцаріи, ни въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

политической тенденціозности представляеть судъ въ Скандинавскихъ государствахъ, въ Голландіи и въ Пруссіи.

Но въ Россіи судъ, несмотря на всё его несовершенство, никогда не имѣлъ въ принципѣ ничего общаго съ политикой, а за весьма рѣдкими исключеніями даже и на практикѣ. Обстоятельство это, заслуживающее весьма серьезнаго вниманія, хотя недостаточно опѣненное при составленіи уставовъ 1864 года, нельзя объяснять только незначительностію политическихъ интересовъ въ нашемъ обществѣ въ періодъ, предшествовавшій реформамъ прошлаго царствованія. Причина лежитъ глубже, а именно въ томъ, что судъ въ Россіи сталъ уже искони въ убѣдлннн всѣхъ слоевъ населенія безспорнымъ атрибутомъ верховной власти. Отъ первобытнаго родоваго, а затѣмъ вѣчеваго и только отчасти церковнаго самосуда, мы, послѣ весьма непродолжительной борьбы между верховною властью и общественными группами, перешли еще въ ранній періодъ нашей исторіи къ суду государственному, сначала въ формѣ княжескаго, потомъ великокняжескаго, а затѣмъ и царскаго. У насъ поэтому не сохранилось никакихъ традицій объ этой борьбѣ, и даже со времени московскаго единодержанія вовсе не встрѣчалось попытокъ къ ограниченію судебного авторитета верховной власти, постоянно признававшейся единственнымъ прибѣжищемъ не только противъ всякаго произвола и насилія частныхъ лицъ, но въ равной степени и противъ лицепріятія и произвола подчиненныхъ верховной власти органовъ, какъ административныхъ такъ и судебныхъ.

При такомъ значеніи у насъ верховной власти, при такомъ не случайномъ, но нормальномъ отсутствіи политической тенденціозности въ нашей прежней судебной организаціи и практикѣ, наша судебная реформа, болѣе чѣмъ во всякой другой странѣ, должна была имѣть отнюдь не политической, но исключительно юридической характеръ.

Вотъ въ чемъ должно было состоять капитальное отличіе судебной реформы въ Россіи въ сравненіи съ западными государствами, отличіе, которое должно было наложить своеобразную печать и на преобразуемое судопроизводство, и особенно на вновь вводимые органы судоустройства.

Затѣмъ, въ общемъ своемъ развитіи, наша судебная реформа естественно предопредѣлялась еще слѣдующими условіями.

Прямое и высокое назначеніе суда состоитъ въ безпристрастномъ разрѣшеніи гражданскихъ тяжбъ и уголовныхъ дѣлъ, поступающихъ въ опредѣленномъ законами порядкѣ на его непо-

средственное разсмотрѣніе. Посему и единственная цѣль нашей судебной реформы должна была заключаться въ томъ, чтобъ обезпечить суду безпрепятственное достиженіе этого назначенія, съ одной стороны, посредствомъ устраненія прежнихъ неустойчивыхъ, а съ другой,—посредствомъ установленія болѣе совершенныхъ порядковъ.

Разрѣшить сразу и безошибочно столь сложную задачу было не по силамъ ни одному цивилизованному народу, вслѣдствіе чего судебная реформа въ Англіи, равно какъ и въ другихъ государствахъ развивавшихся путемъ не революціоннымъ, состояла изъ цѣлаго ряда законодательныхъ актовъ, постепенно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени, причемъ прежнія формы и органы суда не столько уничтожались, сколько послѣдовательно видоизмѣнялись и улучшались *).

Съ другой стороны, если судъ долженъ быть чуждъ политической неустойчивости, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что его формы должны отличаться неподвижностью или теоретическою

---

*) Последняя реформа высшихъ судебныхъ учреждений въ Англіи произведена была въ 1873—1875 годахъ. Въ Австріи существующій порядокъ уголовного судопроизводства введенъ лишь въ 1873 году, въ Венгріи же процедура низшихъ судовъ была преобразована не ранѣе 1877 года. Въ Германіи новый уголовный кодексъ былъ обнародованъ 15 мая 1871 года, но затѣмъ дополненъ и измѣненъ 26 февраля 1876 года; въ 1877 году послѣдовательно были изданы: 27 января—законъ о судебной организаціи, 30 января кодексъ гражданского судопроизводства, и 10 февраля законъ о торговой несостоятельности; въ 1878 году законъ 18 іюня регулировалъ судебныя пошлины, а законъ 1 іюля—организацію ходатаевъ по судебнымъ дѣламъ. Въ Италіи настоящая судебная организація установлена закономъ 6 декабря 1865 года, а институтъ присяжныхъ былъ видоизмѣненъ закономъ 8 іюня 1874 года; но порядокъ перемѣщенія судей окончательно опредѣленъ лишь декретомъ 4 января 1880 года. Вездѣ, слѣдовательно, *позуже чѣмъ у насъ*, хотя эти государства далеко опередили насъ развитіемъ цивилизаціи вообще, а въ частности развитіемъ судебного законодательства и юридическихъ наукъ. Наконецъ, во Франціи споръ о выборѣ или назначеніи судей и о компетентности присяжныхъ продолжается до сихъ поръ. (*L'Angleterre, son gouvernement, ses institutions*; par A. de Fonblanc, traduit de l'anglais sur la 14e édition par Dreyfuss, 1881, Paris, стр. 214. *Constitutions européennes*, par Demonbynes. 1881, Paris; ч. II, стр. 195, 255, 746; тамъ же, ч. I, стр. 319, 325 и 332).

законченностью. Параллельно развитію и непрерывному измененію общественныхъ отношеній долженъ постепенно видоизмѣняться и совершенствоваться самый судъ, а приуроченіе суда къ измѣнчивымъ условіямъ народной жизни не можетъ происходить безъ ошибокъ, требующихъ своевременнаго исправленія. Улучшеніе суда должно потому составлять непрерывную законодательную работу, возбуждаемую указаніями опыта; окончательно же предрѣшить всѣ стороны судебного дѣла сразу болѣе чѣмъ смѣло: такой приемъ, какъ доказала исторія французской революціи, ведетъ къ ошибкамъ, весьма трудно исправимымъ въ послѣдствіи.

Наконецъ, если судебная, какъ и всякая вообще законодательная реформа, должна непремѣнно соответствовать исторически сложившимся условіямъ народной жизни, другими словами—имѣть характеръ вполнѣ національный, то не слѣдуетъ однако забывать, что при улучшеніи въ странѣ судебного дѣла, нельзя не руководиться до извѣстной степени и прогрессивными примѣрами другихъ государствъ. Абсолютно чуждаться, при совершеніи крупныхъ реформъ, иностранныхъ заимствованій то же самое, что отвергать въ дѣлѣ національномъ опытъ общечеловѣческой. Но заимствование заимствованію рознь. Заимствование въ силу отвлеченныхъ принциповъ или по слѣпой страсти къ подражанію, безусловное или формально-механическое, такъ же вредно какъ преобладаніе голой теоріи при разрѣшеніи вопросовъ практической жизни. Смыслъ и будущность имѣютъ только тѣ заимствованія, которыя совпадаютъ съ современными жизненными условіями той страны, для которой эти заимствованія предназначены, и въ такомъ лишь случаѣ, если заимствуемые формы были видоизмѣнены соответственно этимъ условіямъ.

Руководясь этими соображеніями, мы должны смотрѣть и на Судебные Уставы 1864 года какъ на крупный шагъ впередъ по пути усовершенствованія судебного дѣла въ Россіи, какъ на законодательный актъ первостепенной важности, но, повторяемъ, не политической, а только юридической, подготовленный законодательными работами предшествовавшихъ ему эпохъ, вызванный извѣстными требованіями дѣйствительной жизни и обусловленный примѣрами другихъ образованныхъ государствъ. Но нѣтъ никакого основанія видѣть въ этомъ актѣ послѣднее слово нашей судебной реформы, нѣчто вполнѣ завершенное, безошибочное въ принципѣ и непогрѣшимое съ практической точки зрѣнія.

Чтобы разрѣшить вопросъ, въ какой степени наша судебная реформа была *въ принципѣ* вѣрна своей историко-органической

задачу, необходимо припомнить какими особенностями отличалось наше прежнее судопроизводство и судоустройство, при каких обстоятельствах возникали у насъ въ разные эпохи судебныя реформы вообще, и въ чемъ заключались *основныя черты* той послѣдней по времени реформы, которая возникла въ началѣ шестидесятыхъ годовъ текушаго столѣтія. Мы убѣждены, что только этимъ способомъ возможно подойти не ощупью, но сознательно къ разрѣшенію другаго, еще болѣе существеннаго вопроса о томъ, въ какой степени судебная реформа 1864 года соответствовала на *практикѣ* условіямъ нашей современной дѣйствительности, и въ чемъ она подлежитъ, при дальнѣйшемъ развитіи, дополненію или исправленію.

II.

Безусловныя защитники судебной реформы 1864 года усматриваютъ въ ней *не постепенное усовершенствованіе* судебной части въ Россіи, но эру *внезапнаго* появленія въ нашемъ отечествѣ суда *скораго, праваго и милостиваго*, какъ будто, кромѣ медленности, неправоты и жестокости, наше прежнее правосудіе не сумѣло выработать никакихъ другихъ пріемовъ для огражденія личныхъ, имущественныхъ и общественныхъ интересовъ гражданъ.

Съ другой стороны, такъ называемые „народники“ видятъ въ реформѣ 1864 года желанное уничтоженіе бюрократическаго суда, обуювшаго Русь со времени Петра I, и возвращеніе къ народнымъ традиціямъ до-Петровской эпохи, какъ будто бы наше отечество, въ теченіе болѣе чѣмъ полутора вѣка, развивалось только *дспять*, а подьячіе царя Ивана Грознаго и „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича были неподкупнѣе, образованнѣе и менѣе имѣли вліянія на рѣшеніе дѣлъ, чѣмъ чиновники Петра I, Екатерины II и Николая I; какъ будто, наконецъ, до-Петровскіе судебныя порядки имѣли характеръ идеальный и нынѣ, нежданно-негаданно, возстали отъ продолжительнаго усыпленія къ новой жизни... въ созданныхъ по ново-европейскому образцу порядкахъ.

Доморощенныя же поклонники „принциповъ 1789 года“ и даже 1793 года, озабоченные пріобрѣтеніемъ для Русскаго народа всевозможныхъ гарантій противъ всевозможныхъ эксплуататоровъ, усматриваютъ въ судебной реформѣ 1864 года, точно такъ какъ въ упраздненіи крѣпостнаго права и въ образованіи земскихъ